
ЭМИЛИЯ УГЛОВА

УГЛОВЫ

СЕМЬЯ ВРАЧЕЙ

ВЕК ДОБРА И ЛЮБВИ

УДК 791.071:929(470)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У25

Фотография на обложке предоставлена Фондом сохранения и развития литературного, научного и общественного наследия академика Ф.Г. Углова

В оформлении издания использованы фотоматериалы из архива Фонда сохранения и развития литературного, научного и общественного наследия академика Ф.Г. Углова

Серия «Научно-популярная медицина»

Дизайн обложки Александра Воробьева

Углова, Эмилия Викторовна

У25 Угловы. Семья врачей. Век Добра и Любви / Эмилия Викторовна Углова. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — (Научно-популярная медицина).

ISBN 978-5-17-174152-5

Академик Федор Григорьевич Углов — один из величайших врачей XX века. Прожив 103 года и внося огромный вклад в развитие отечественной хирургии, он запомнился также как писатель и общественный деятель. Воспоминания его вдовы Эмилии Викторовны Угловой посвящены этим и многим другим аспектам его работы и жизни.

Мемуары проникнуты теплотой и любовью. В них великий хирург предстает как обычный человек, на которого вместе с тем хочется равняться в своей собственной жизни: он любит и оберегает семью и друзей, занимается любимым делом и не забывает про саморазвитие и, как бы мы сейчас сказали, хобби. Особое место в книге занимают судьбоносная встреча Федора Григорьевича и Эмилии Викторовны и история зарождения их любви. Царящие между ними доверие и взаимопонимание, появившиеся уже во время знакомства, стали силой, которая поддерживала их во всех жизненных трудностях.

Эти воспоминания не только рассказ о любви, прошедшей сквозь десятилетия. Большое место в них занимает история семьи Эмилии Викторовны и описание ее жизни до появления в ней Федора Григорьевича. В повествовании переплетаются судьбы обычных русских людей, переживших сталинские репрессии, прошедших Великую Отечественную войну и трудившихся на благо Родины в самых тяжелых условиях. Эта книга — своеобразный исторический документ, написанный в форме мемуаров и напоминающий современному человеку о том, что действительно важно.

УДК 791.071:929(470)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-174152-5

© Фонд сохранения и развития литературного, научного и общественного наследия академика Ф.Г. Углова, фото, 2025

© Углова Э.В., 2025

© ООО Издательство АСТ, 2025

ОТ АВТОРА

Эта книга — рассказ о жизни и благородном труде знаменитого хирурга, академика, доброго, отзывчивого человека, посвятившего всю свою жизнь спасению от тяжелой болезни и смерти много тысяч людей — Федоре Григорьевиче Углове.

О своем многолетнем труде, о своих щадящих и эффективных методиках в хирургии Федор Григорьевич написал в собственных книгах, особенно в «Сердце хирурга», выдержавшем миллионы тиражей. В этой же книге написано о нем самом, о его характере, поведении, отношении к людям, о том, как он умел «прессовать» время, не теряя ни минуты для достижения поставленной цели — разработать тот или иной метод хирургического лечения больных. Его как человека очень хорошо знала я, его жена, прожившая с ним 44 года. Присутствовала при его счастливых ситуациях, не разлучалась с ним, старалась помогать ему, в чем только могла, сочувствовала, сопереживала, понимала его, восхищалась им, подстраивалась под его настроение. И в то же время как много у нас было общего, как много мы общались по разным темам, близким нам обоим. Мы обсуждали многое в медицине, политике, культуре, литературе, поэзии. Вместе во время прогулок учили наизусть стихи, придумывали тексты, названия его книг и многое другого.

Об этом никто другой не мог знать и не мог написать. Конечно, если бы у меня были литературные способности, я могла бы написать хорошую книгу, но что могла, то и написала. Хотя стиль у меня больше научный. Жаль, что он не может прочитать мои воспоминания. Он бы много подсказал, и, наверное, как всегда, похвалил бы меня. Он всегда старался ставить меня на «пьедестал», возвышать меня, и мне было с ним легко.

Кроме огромного труда в хирургии, он занимался алкогольной проблемой, создал общество трезвости. Написал несколько

книг, объясняя научные точки зрения о том, что такое алкоголь, который действует на человека как протоплазматический яд. Федор Григорьевич, когда узнал о гибели людей от алкоголизма, сказал: «Я не могу спокойно спасти 2–3 человек в день во время операции, зная, что в этот день тысячи погибают от алкоголя». Его бескорыстная общественная деятельность многих спасла от алкогольной зависимости. Это подтверждают пачки писем от благодарных людей. О нем можно писать еще очень много. Я описала только небольшую часть его подвижнической жизни. Но все, что написано, характеризует его как прекрасного, доброго человека, талантливого хирурга, общественного деятеля, написавшего много научных трудов, литературно-художественных книг.

Бог подарил ему 103 года жизни, которые он отдал служению Отечеству, своему народу.

Выражаю благодарность тем, кто помогал мне в написании этой книги. Во-первых, Алене Викторовне Новгородовой, директору Фонда академика Ф. Г. Углова. С ее кипучей энергией, энтузиазмом, умелым руководством я могла заставлять себя работать над созданием этой книги. И с ее помощью, наконец, довела дело до конца. Благодарю Наринэ Марленовну Карапетян, которая редактировала текст и тактично осуществила литературную обработку текста. Она же редактировала и многие последние книги Федора Григорьевича.

Выражаю благодарность Юлии Дмитриевне Сеченовой, чуткой, внимательной моей помощнице, которая привела в электронный вид мои рукописные тетради и всегда оказывала мне поддержку в делах по работе Фонда имени Федора Григорьевича Углова. Благодарю старейшего военного журналиста, публициста и общественного деятеля Андрея Аркадьевича Бобылькова, который подсказал мне, в каком стиле нужно писать книгу. Сам он много статей написал о Федоре Григорьевиче. Хочу поблагодарить своего сына Григория, который записывал электронный текст, за техническую работу, советы в воспоминаниях о его отце. Благодарю своего сына Владимира, филолога по образованию, который вычитывал текст рукописи и давал советы по содержанию.

Благодарю внука Федора Григорьевича Михаила Владимировича Сильникова, который во всем помогал мне и давал возможность работать над книгой в хороших условиях на даче.

*Жизнь мертвых продолжается
в памяти живых.*

Цицерон

ПРОЛОГ

Закат светился ослепительно ярким светом, но уже можно было на него смотреть, глаза не слезились. Ярко-оранжевое пламя отбрасывало вокруг себя разноцветные блики от светло-желтого до темно-фиолетового, а дальше розовыми облаками опоясывало горизонт, цвет которого постепенно переходил в светло-синий оттенок. Вдали за белой скатертью заснеженного залива отчетливо виднелся купол Кронштадтского собора, а правее — и Петергофский дворец. Был конец марта, а зима медленно отступала. Таяние снега задерживалось ночными заморозками. В заливе кое-где потемнели участки появляющейся полыньи. Закат постепенно таял, сгущал вокруг себя краски неба.

Я любила стоять у залива и смотреть на закат, всегда спешила, чтобы успеть увидеть игру красок заходящего солнца, любовалась разноцветьем неба, будто бы зарисованного невидимым волшебником. Много лет мы приходили сюда с мужем и, как зачарованные, всматривались в причудливые очертания разноцветных облаков. Вот уже прошло больше десяти лет, как нет со мной мужа, но все так же ярко-оранжевое пламя втягивает в себя последние лучи и становится багрово-красным, и все так же розовые облака будут опоясывать горизонт через много-много лет, когда не будет ни меня, ни детей, ни внуков.

Когда погас последний яркий отблеск и со стороны ушедшего солнца полились темно-апельсиновые лучи, я, взглянув еще раз в сторону закатившегося за горизонт солнца, нехотя повернулась домой.

Между заливом и шоссе, по которому с огромной скоростью неслись автомобили, стоял деревянный двухэтажный дом с разбросанными вокруг столиками и грибами-навесами, летней эстрадной площадкой и вывеской «шашлыки у залива». На площадке перед ним теснились иномарки. А чуть в стороне росли сосны с толстыми стволами; их обнаженные корни витиевато срослись и переплелись над землей, образовав настоящие природные кресла. На этих креслах-корнях мы тоже часто сидели с мужем.

Я пересекла автотрассу и не спеша пошла по дороге через лес, ведущий прямо к даче. Воздух был напитан свежестью, которая бывает при наступлении весны, когда начинает таять снег. Слышны были птичьи голоса, и пели они как-то по-особенному, по-весеннему, и мне вдруг как никогда стало жаль, что не различаю птиц по голосам, что я далека от природы и ее красоты. Идти было трудно, дорога была заполнена талым снегом, приходилось выбирать участки замерзшего снежного сугроба, и перескакивать с одного на другой, чтобы не замочить ноги. В поселке уже засветились окна. На дороге изредка попадались люди. У калитки за день растаявшая лужа стягивалась кромкой льда. Опять ночью подмерзнет. Я вошла в дом, прошла в комнату и остановилась перед портретом мужа работы художника Ломакина. Сколько любви я всегда чувствовала в его глазах — даже сквозь краски портрета! Я всматривалась в его говорящие глаза, пытаюсь прочитать в них что-то, получить какой-то совет. Взгляд проникал мне в душу, согревая ее, и вместе с тем как будто просил: «Помни! Не забывай!» Можно ли забыть то, что было лучшей частью моей жизни, составляло ее смысл?

Я зажгла камин. С треском вспыхнул оранжевый, похожий на закат, огонь. «Помнить мало, — подумала я, — пытаюсь разгадать послание мужа. Важно рассказать другим. Не зря же еще при жизни он не раз пытался заставить меня написать воспоминания, описать историю нашей жизни. Столько событий она в себя вмещает! Но история мертва и пребывает в забвении, и оживить ее может только пишущий ее». Медленно мысли наплывали, и я не отгоняла их, а впускала в свою память, и события одно за другим начинали открываться, как страницы книги.

Глава 1

ОТКУДА Я

Неподалеку от шахты под названием «Комсомолец» стоял продолговатый одноэтажный дом, построенный еще до революции предпринимателем немцем, работавшим, как теперь говорят, прорабом на шахте. Дом этот хорошо сохранился и был разделен на четыре двухкомнатные квартиры с высокими — до пяти метров — потолками, с кухней и погребом. В каждой квартире был отдельный выход во двор с невысоким крыльцом, забором и палисадником. В одну из таких квартир въехала молодая женщина с двумя детьми и престарелой матерью. До этого они жили на руднике, который назывался «Жилкоп» (жилищный кооператив). Жили бедно, но без долгов.

Женщина — Тамара Федоровна (моя мама) — работала учительницей в школе и воспитывала свою маленькую дочку Эммочку. Помогала ей во всем старенькая седая мать Анна Алексеевна. Муж Тамары Федоровны был репрессирован по политической статье за чтение троцкистской литературы и отбывал ссылку на Колыме. Тамара Федоровна очень любила своего мужа Виктора и хотела иметь много детей, как у ее матери.

У Анны Алексеевны (1872 г.р.) было 12 детей, но до почтенного возраста дожили только четверо: Андрей, Клавдия, Леонид и Тамара. Остальных жизнь разбросала кого куда. Одни дети умерли в младенчестве от разных причин, в основном от инфекционных болезней. Тогда часто были эпидемии кори, скарлатины, дифтерии. Особенно косил всех брюшной и сыпной тиф.

Федор Андреевич Заварзин (1866 г.р.) — мой дед, отец мамы, имея трехклассное образование, работал разнорабочим на заводах и фабриках. Он был хорошим семьянином, беспокоился о своей многодетной семье, о малом заработке и постоянно искал работу, которая могла бы прокормить всех его детей и жену. В поисках большего дохода он в 30-х годах переехал на шахту Донбасса.

Жила семья в маленьких помещениях, которые они постоянно снимали и часто переезжали из одного в другое. Старший сын Георгий в 1907 году окончил рудничное училище и был премирован медалью и подарком за хорошее поведение и успе-

ваемость — книгой Н.В. Гоголя. В наградном листе значилось следующее:

Сим награждается ученик III-его отделения Макеевского рудничного училища Русского Донецкого общества — Заварзин Георгий за благонравное поведение и отличные успехи при окончании училища мая 27-го дня 1907 года.

Этот наградной листок был приклеен к толстой книге с тонкими листками, толщиной с папиросную бумагу, и прекрасными иллюстрациями. На титульном листе книги было напечатано:

*Собрание сочинений Н.В. Гоголя,
съ его биографіей и примечаніями.
Подъ редакціей А.И. Кирпичникова
Съ рисунками художниковъ
Афанасьева, Иванова, Пичугина, Ягужинского.*

После окончания училища Георгий работал на конном заводе. Он очень любил лошадей, ухаживал за ними, учился ездить верхом. В свободное от работы время Георгий помогал матери, выполняя различную тяжелую работу по дому, занимался с младшими детьми — у него были педагогические способности. Особенно Георгий любил заниматься с младшим 6-летним Ванечкой. Георгий подарил ему букварь, и Ваня очень быстро научился читать и писать. Еще Георгий учил его петь, так как сам он хорошо пел.

Ваня рос смышленным, добрым и ласковым мальчиком. Часто вечером, сидя на сундуке и болтая ножками, напевая чаще те песни, которые слышал от Георгия, поздно не ложился спать. Мама ему говорит: «Ваня, ложись спать». А он: «Нет. Я буду ждать папу с работы». И так постоянно. Отец (дед мой Федор Андреевич Заварзин) мечтал, что вот вырастет Ванечка, выучится, может быть, и будет помогать семье. Ваня любил отца, всегда ему что-нибудь сохранял: кусочек сахара или пирога, а иногда какие-то красивые камушки, найденные во дворе. Двор не был огорожен, тогда люди жили открыто.

Ваня бродил вокруг дома в поисках каких-либо интересных предметов или полевых цветов. Он любил рисовать, а так как бумаги не было, то он рисовал углем на кусках фанеры домики, вагонетки, цветы и все, что видел вокруг.

Однажды Ванечка низко наклонился, рисуя что-то на земле, и не заметил, как сзади на него наехала лошадь. Цыган, сидевший на лошади, спешил, но не успел остановить ее, и она наступила на мальчика. Ваня оказался придавлен копытом к земле. Его внесли в дом с переломанной грудной клеткой, посиневшим, бездыханным. Через несколько часов он умер, не приходя в сознание.

Горе отца и матери трудно было передать. На всю жизнь осталась у них сердечная боль от гибели младшего сына. Старший сын Георгий еще находился в рудничном училище. Когда началась Первая мировая война, он ушел воевать кавалеристом.

Первая мировая грянула внезапно. Она охватила пространство почти всего земного шара. Война была кровавая и жестокая. В августе 1914 года неожиданно для народов открыто выступил Империализм, который поправил все законы морали и нравственности. Войну породила мировая буржуазия в своих корыстных целях. Разные группировки миллиардеров поссорились между собой. Благополучие народов для этой сверхнациональной силы не имело никакого значения, просто не существовало. Но ведь сражаться и умирать за интересы различных групп хищников все же должны люди, одетые в солдатские шинели, поэтому, кроме указа о мобилизации, нужна была пропаганда, демагогия о Родине, свободе, защите Отечества, о миролюбии и гуманности. Духовная пропаганда той эпохи заключалась в том, чтобы множество людей искренне поверили интригам взбесившихся мировых олигархов и пошли воевать как бы по своей воле.

Осенью 1914 года большинство немцев, русских, французов, англичан были твердо уверены в том, что на их родину напал враг, что их страна — невинная жертва агрессии. В России погибло 5 млн человек.

Одним из самых тяжелых испытаний, порожденных той бессмысленной войной, было духовное опустошение народа, особенно его образованного сословия. Это позволило фашизму увлечь многих на свою сторону, и Первая мировая война явилась непосредственным прологом ко Второй мировой войне со всеми ужасающими последствиями.

Олигархи в 1914 году пытались перекроить мир насильственными средствами. Из этого вышла кровавая бойня, уничтожившая огромную массу людей, а кроме того, обездолила еще

многих и многих их родных и близких. Образовалась пустота, провал цивилизации, который быстро заполнялся всякого рода отщепенцами, грубыми, безыдейными элементами, всплывшими на гребне войны и жаждущими занять свое место в опустошенном пространстве.

В каждой семье кто-то погиб, особенно в семьях честных, благородных, стремящихся выполнить долг защитника Отечества. Когда началась мобилизация, в семье Заварзиных ушел на фронт старший сын Георгий, ушел кавалеристом и погиб. Погиб, не оставив после себя семью, детей, не успел даже жениться, даже невесты у него еще не было. Вслед за ним ушли еще двое сыновей Федора Андреевича Заварзина и тоже не вернулись с фронта.

Семья поредела. Ушла главная надежда на сыновей, которые могли быть помощниками и защитниками престарелых родителей и младших детей. Федор Андреевич изо всех сил старался обеспечивать свою многодетную семью. Он переживал, что так мало зарабатывает и не может прокормить всех своих детей и жену. Для этого не хватало образования. Часто он менял работу в поисках большей зарплаты. До 1917 года Федор Андреевич работал на заводе. Во время Гражданской войны становилось все труднее найти место.

В России нарастал голод, и Федор Андреевич с семьей переехал на Донбасс в шахтерский поселок, так как шахтеры зарабатывали больше. В семье оставалось семеро детей. Вначале Федор Андреевич работал на поверхности шахты чернорабочим, затем машинистом, горнорабочим, рукоятчиком на шахте, возчиком на лошадях по доставке разных материалов и под конец лебедчиком на шахте. Зарабатывал он немного — от 20 до 50 рублей в месяц, но все же смог купить в рассрочку небольшой домик с палисадником в Макеевском районе, в селе Ново-Чайкино.

Многодетная семья поселилась в этом домике, а Федор Андреевич, работая на шахте, мог постепенно гасить долг за дом.

Анна Алексеевна (моя бабушка) — волевая, мужественная женщина — воспитывала оставшихся семерых детей. Приучала их к чистоте, опрятности, порядку, честности. Она всегда говорила: «Нельзя даже нитки брать у чужих — это грех. Люди узнают и осудят, тогда как с этим жить? Выходя из дома нужно осмотреть себя, чтобы одежда была чистая, выглаженная, обувь

вычищенная, а в квартире все убрано, все вещи в порядке». Детям запомнились пасхальные праздники у них в доме. Дом украшен ветками кустов и деревьев, которые росли поблизости. Вокруг степи почти голые, а в палисадниках росли фруктовые деревья: вишни, абрикосы, слива. На праздничном столе красовались высокие, украшенные цветным пшеном и кусочками мармелада куличи, крашенные яйца, горки с творожной кремовой пасхой. На тарелках — студень, домашняя колбаса.

Всю эту снедь покупали на сэкономленные и отложенные к празднику деньги. Родители всегда хотели порадовать детей. В церковь шли нарядно одетые. После церкви христосовались и садились всей семьей за большой праздничный стол разговляться. Праздновали воодушевленно, с большой любовью и вниманием друг к другу. Никогда не возникало ссор, скандалов. Бабушка делала вишневую наливку, от которой не хмелели, а дедушке она выдавала водку в пятидесятиграммовой стопке. Такие праздники отмечали все, ходили друг к другу в гости, и некоторые дни объявлялись нерабочими.

Но открыто пасхальный праздник отмечали до 1917 года. Потом праздновать Пасху запрещалось, церкви были закрыты, но некоторые маленькие церквушки работали постоянно, только далеко было до них добираться. И люди переставали туда ходить, а дома по возможности пекли куличи и красили яйца.

В 1933 году в семье случилась беда. У Федора Андреевича при спуске в шахту застряла нога в клетке, и ее раздробило при движении механизма. Появилась гангрена — ногу пришлось ампутировать. Состояние больного быстро ухудшалось. Старшим детям — Андрею и Клавдии, которые жили далеко от семьи, отправили телеграмму: «Немедленно приезжайте, папе плохо». Вся семья собралась вокруг больного, но он уже впал в кому. Через несколько дней при нарастающих симптомах сепсиса отец скончался, не приходя в сознание.

Его жена — Анна Алексеевна — осталась без кормильца. Хорошо, что дети были уже взрослые, самостоятельные и могли сами себе зарабатывать на хлеб. Только трое еще учились, но они помогали матери по хозяйству. После гибели мужа Анна Алексеевна вскоре переехала жить к старшей дочери Клавдии в Артемовск. Клавдия уже окончила педагогический институт и работала учителем истории. Вышла замуж за военного инженера Степана Ивановича Шишко, красивого, крепко сложенного, похожего на потомственного казака. Жили они в про-

сторной трехкомнатной квартире. Анна Алексеевна чувствовала себя у них уютно.

Еще в 1931 году к старшей сестре Клавдии приехала Тамара (моя мама). Она хотела учиться, но в селе не было училища, да и средств на учебу не было. Тамара приехала к сестре, чтобы подготовиться к поступлению в Артемовский педагогический институт.

У мамы были способности к литературе, она сочиняла стихи и хотела стать учителем русской словесности. Особенно она любила поэзию Есенина. На экзамене мама получила пятерку по литературе и написала сочинение на отлично. Счастливая, ушла домой с надеждой, что ее зачислят на литературный факультет. Через день ее вызвали на экзаменационную комиссию и сказали: «Вы комсомолка и должны выполнять все комсомольские поручения. На математический факультет у нас большой недобор. Мы набираем туда комсомольцев, упорных в учебе и ответственных за любые задания. Вы нам подходите и, если хотите учиться в институте, то должны поступать именно на математический факультет».

«Но я слабо знаю математику», — неуверенно возразила мама.

«Поможем, научим», — сказал властным голосом член приемной комиссии. Или кто-то другой, кого она не знала.

Она больше его никогда не видела. Запомнила только, что у него были холодные, бесстрастные глаза. Он был полным, с выпяченным животом, который упирался в край стола. Мама не решилась возразить и покорно вышла из зала. Так стала она студенткой физико-математического факультета Артемовского педагогического института 1-го сентября 1931 года.

Первый год оказался очень трудным. Кроме недостаточной подготовки по математике, она еще испытывала голод и холод. Ночами сидела, чтобы решать задачи, часто у нее решение не получалось, и она плакала. Помочь было некому. Тот член экзаменационной комиссии, который обещал помочь, забыл об этом и больше в институте не появлялся. А тут еще студентов их факультета, в том числе и мою маму, послали на конкурс по решению задач в город Харьков. Она совсем растерялась. Видя ее настроение, сестра Клавдия сказала: «Давай, Тамара, я тебя познакомлю с одним молодым инженером, который окончил факультет мелиорации Харьковского технологического института. Он работает здесь, в Артемовске, живет на окраине

города, хорошо знает математику. Мой муж, Степан, с ним в дружеских отношениях. Я напишу ему письмо, чтобы он уделил тебе внимание, и ты к нему поедешь».

Вскоре мама получает письмо:

Незнакомка Тамара! Ваша сестра заочно познакомила Вас со мной, и я в честь нашего знакомства (надеюсь, Вы не будете против), посылаю Вам несколько алгебраических задач, которые, если Вам удастся решить, то можете вполне ехать, не волнуясь на конкурс. Эти задачи предлагали в харьковском технологическом; мне бы очень хотелось узнать, как они у Вас будут решаться: свободно или с затяжкой. Посему и предлагаю мой адрес: Екатеринославская 9, Виктору Стрельцову. Остаюсь с уверением в совершенном к Вам почтении.

Виктор Стрельцов.

К письму были приложены несколько алгебраических примеров с припиской: «Привести к логарифмическому виду».

Получив такое задание, мама почувствовала в лице Виктора делового помощника, в котором очень нуждалась, и охотно приняла предложение приехать к нему.

Был октябрь, но стояла летняя погода без ветра и дождей. Сухой и теплый воздух создавал благодатное настроение, и мама решила поехать к Виктору, показать ему проделанную работу над задачами. Кроме того, у нее накопилось еще много вопросов по решению заданий.

Он жил на окраине города, куда не доходил трамвай. Телефонов тогда не было, и мама запиской сообщила о своем приходе. Идти нужно было около 2,5 км. И мама шла пешком долго. Но она привыкла ходить пешком всюду, и теперь шла с удовольствием под лучами теплого ласкающего солнца. В руках у нее был адрес и рисунок нужного маршрута. Был полдень, солнце припекало, хотелось пить. Наконец появился перекресток, выводящий на Екатеринославскую улицу. Найдя нужный номер дома, мама взошла на невысокое крыльцо и постучала в дверь. В открытых дверях появился высокий молодой человек с черными вьющимися волосами, большими карими глазами и с наполовину намыленной щекой.

6/12 27г
 Незнакомая Татьяна
 Ваша сестра заочно
 поздравилась с вами
 в ее именин и с Сергеем
 нашего знакомства
 (Каждый вы бурят не
 против) пожелав вам не-
 сколько авторских
 газет, которые если вам
 удастся решить, то могут
 быть еще не только
 на конкурс. Эти задачи
 прилагаются в картон-
 стем технологий. Если
 мне да, очень хотелось
 узнать как они у вас
 будут решаться. Своими
 или с друзьями
 совсем и приятно

еще адрес: Артемьев, Екатерина Николаевна
 №9 Д.П.
 в Стрельцову
 оставил с фамилией и
 по соображениям в ваш
 почтовый
 в Стрельцову.
 1) $\sqrt{25x^2 - 6.5 \frac{2x^2}{x} + 25} = 0$
 $2) \sqrt{(2x+1)^2 - 3} = \frac{1}{100}$
 $3) \sqrt{1+3\sqrt{x}} + \sqrt{3-2\sqrt{x}} = 5$
 $\sqrt{3 \cdot 2} + \sqrt{8 \cdot 2} = \sqrt{140} \sqrt{100}$
 $\sqrt{1+3\sqrt{x}} + \sqrt{3-2\sqrt{x}} = 5$

$\frac{\sqrt{1+\sqrt{1+x\sqrt{x}}}}{\sqrt{1-x\sqrt{x}}} = 2$
 $\sqrt{1-x\sqrt{x}} = \frac{2}{\sqrt{1+\sqrt{1+x\sqrt{x}}}}$
 Привести к логарифмическому виду
 $\sqrt{\frac{1-\sin\alpha}{1+\sin\alpha}}$

Первое письмо моего отца моей матери

— Извините, я не успел побриться, — сказал он, здороваясь и улыбаясь.

Подозвав свою маму и оставив ее с гостями, он скрылся за дверью, ведущую в ванную.

«Здравствуйте. Надежда Ивановна», — представилась мама Виктора, приветливая, полноватая женщина лет 45. Она пригласила маму в просторную столовую и, усадив в широкое кресло, обшитое черной кожей, ушла на кухню. Мама оглянулась вокруг. Посреди комнаты стоял большой круглый стол красного дерева на массивной ножке, заканчивающейся к полу головой льва. Стол был покрыт кружевной белой скатертью. Над

столом висел абажур из плетеной соломки. В углу перед окном на письменном столе стояла настольная лампа с зеленым абажуром, обтянутая белым кружевным чехлом. На черном кожаном диване лежали в ряд вышитые красивые подушечки. На стенах висели репродукции Айвазовского «Девятый вал» и Куинджи «Радуга». Над диваном висел портрет мужчины средних лет с темными волнистыми волосами, очень похожего на сына Надежды Ивановны — Виктора. Но главное, на что мама обратила особенное внимание, — это книги, много стеллажей с книгами стояли и в столовой, и в прихожей.

Надежда Ивановна работала директором исторического музея, а библиотека ей досталась от мужа, а точнее — от отца мужа, всю жизнь собиравшего книги.

Мама любила книги, читала много классической русской литературы и поэтому с жадностью смотрела на томики Л. Толстого, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н. Некрасова, зарубежных классиков: Голсуорси, Дж. Лондона, Стендаля и других.

В столовую вошла Надежда Ивановна с блюдом свежеспеченных булочек. Подошел Виктор Кузьмич, гладко выбритый, в белоснежной рубашке и в коричневом суконном жилете. Сели пить чай. Для знакомства расспросили маму о ее семье, об учебе. А потом Надежда Ивановна рассказала и о своей семье.

Муж Надежды Ивановны (она показала на портрет, висящий над диваном) — это отец Виктора, Кузьма Константинович. Он был начальником Южной железной дороги. Папа Виктора был из обедневших дворян, и все, что у него осталось ценного, — это большая библиотека из 5 тысяч книг русских и зарубежных классиков, философов: Спинозы, Гегеля, Канта. Часть книг они продали по необходимости, но большая часть осталась.

Кузьма Константинович гордился своей уникальной библиотекой, и, когда после 1917 года пришлось переехать из большой квартиры в Харькове в маленькую квартиру в Артемовске, он постарался перевезти и разместить все свои драгоценные книги. Полки, стеллажи с книгами были расставлены повсюду: в трех комнатах и в прихожей.

Вскоре, после Гражданской войны, когда уже стала устанавливаться мирная жизнь, к нему часто стали приезжать чиновники из Киева, предлагали перейти на другую работу, по их